

ПРОЛОГ
ДОМ ПОМАДЫ САЙМОНА

Хейден опять вляпался. Ха, вот так сюрприз! По-
новее ничего не придумал? Да ему всё нипочем — вот
если бы все боевики ИРА открыли на него охоту, быв-
шая жена натравила свору адвокатов с требованиями
алиментов или бешеная собака укусила за член, тогда
бы он, может быть, обнаружил, что у него вообще есть
пульс.

Стоило ему в то утро открыть глаза, как его созна-
нием овладела одна мысль: нечем платить по счетам, ко-
торыми завален письменный стол. Машина умирает от
трех разных видов автомобильного рака одновременно.
А тут еще обзорная экскурсия эта, причем пахать на сей
раз придется как надо, не то с работы вышибут.

Раньше, когда Хейдена увольняли с работы, он не
волновался, потому что сразу подворачивалась какая-
нибудь другая. Но эта была последней, словно пара нос-
ков в ящике комода. Так что либо надевай дырявые, ли-
бо ходи босиком, а это еще хуже.

Вздыхнув, он отбросил тонкое лиловое одеяло, которое купил на распродаже в китайском магазине после того, как от него ушла жена, забрав с собой все, включая одеяла. И правильно сделала, что ушла, ведь он был настоящей собакой во всем, кроме верности. Нет, так не годится. Назвать Хейдена собакой — значит оскорбить все семейство псовых. Скорее, он был хорек или крыса; зараза ходячая, вот кто он был такой. Саймон Хейден был человек неприятный, хотя и очень красивый.

Его лицо сбило с толку не только бессчетное множество доверчивых женщин, но и бывших друзей, продавцов подержанных машин, шедших ему на уступки там, где вовсе не надо было, и бывших начальников, сперва гордившихся тем, что такой красивый парень работает на них.

Ну почему мы вечно покупаемся на смазливые мордашки? Почему мы так беззащитны перед ними? Что это — оптимизм или тупость? Может, все дело в надежде — увидел человек красивое лицо и думает, что раз оно существует, то в мире все в порядке.

Ага.

Раньше Хейден любил повторять, что женщины хотят трахаться не с ним, а с его лицом, и был прав. Но это было в прошлом. Теперь желающих трахаться с любой частью его анатомии почти не осталось. Ну конечно, и сейчас еще случалось, что какая-нибудь бабенка, перебрав в баре, видела перед собой двух Хейденов сразу и принимала его за кинозвезду, чье имя выпало у нее из памяти. Но это бывало редко. Теперь он обычно пил в одиночку и в одиночку уходил домой. Ограниченный самовлюбленный красавец средних лет с уводящим лицом и пустым банковским счетом, показы-

вающий туристам город, который давно перестал быть его другом.

Почему именно экскурсии? Потому что на этой работе один раз выучил текст, и можно больше ни о чем не думать. Да и туристы, которых он водил, слушали его, разинув рты. На Хейдена их благодарность действовала безотказно. У него всегда было такое чувство, как будто он дарит им свой город, а не просто показывает его примечательные места.

Время от времени среди туристов попадались красивые женщины. Для Хейдена они были как щедрые чаевые. Каким замечательным гидом становился он в такие дни! Остроумный и эрудированный, он знал ответы на все вопросы. А если не знал, то придумывал. Выдумки давались ему легко, ведь он всю жизнь только этим и занимался. Слушатели никогда не сомневались в его словах. Да и врал он изобретательно и интересно. Годы спустя, глядя на фотографии, привезенные с его экскурсий, люди говорили: «Видите собаку на портрете? Она прожила двадцать восемь лет, и герцог так ее любил, что поставил ей такое же большое надгробие, как себе».

Вранье, конечно, зато увлекательное.

Может, и сегодня среди экскурсантов окажется какая-нибудь красотка. Ухватившись обеими руками за края раковины, Хейден уставился в зеркало и коротко помолился:

— Сделай так, чтобы хоть одно прекрасное женское лицо оказалось сегодня в толпе старичья, их слуховых аппаратов и очков размером с телевизор.

Он так и видел их перед собой: кремовые туфли на резиновой подошве размером с небольшой катер на под-

водных крыльях, отутюженные летние костюмы, сто лет как вышедшие из моды. Слышал их громкие голоса, пристающие к нему с жалобами и бесконечными расспросами: где же замок, а где туалет, ресторан, автобус? Так неужели одно прекрасное лицо — это так много? Может, кто-нибудь возьмет с собой дочь, или сексапильную внучку, или сиделку, кого угодно, только бы облегчить ему день в окружении «Дома помады».

Он медленно произнес эти слова, глядя в зеркало, как актер, заучивающий роль. Сегодня он поведет на экскурсию группу из Дома помады. Что это такое, магазин, где продают только помаду? Или фабрика, где ее делают? Надо открыть конверт с подробным заданием, который ему дали на работе, и он все узнает.

Он улыбнулся, представив себе, как два десятка стариков и старух с перемазанными помадой губами внимают каждому его слову. Красные губы блестят, как клоунские носы или собачьи мячики. Вздохнув, он взялся за зубную щетку и стал готовиться к новому дню.

Саймон Хейден был очень тщеславен, и его стеной шкаф просто ломился от дорогуших тряпок — кашемировые свитера от Эвон Челли, раз-два-три-четыре костюма от Ричарда Джеймса, ремни за сто пятьдесят долларов. Вкус у него, безусловно, был, и стиль тоже, но ни тот ни другой не очень-то помогли ему в жизни. Да, с их помощью он довольно долго дурачил людей. Но рано или поздно все, даже самые непроходимые болваны, раскусывали его, и тогда он неизменно оставался без всего: без работы, без семьи, без шансов.

Самое интересное в людях типа Хейдена, — не считая их смазливых физиономий, конечно, — это искреннее непонимание, почему в конце концов все на свете

начинают их ненавидеть. Хейден вел себя как свинья. И все же он, хоть убей, не понимал, как получилось, что он живет один в паршивой квартирентке, надрывается на бесперспективной работе и чуть ли не все свободное время проводит перед ящиком, пялясь на что угодно. Он знал, кто из борцов-профессионалов с кем враждует. Серьезно задумывался о приобретении рекламируемых по специальному «магазинному» телеканалу японских ножей для бифштексов. Предусмотрительно записывал на видео свои любимые сериалы, когда знал, что опоздает к началу хотя бы на минуту.

«И как это я дошел до жизни такой?»

Если бы кто-нибудь объяснил Саймону Хейдену, какое он дерьмо и почему, тот просто не понял бы. Он не стал бы ничего отрицать, просто *не понял* бы, и все. Потому что красивые люди уверены: мир должен прощать им все грехи только за то, что они существуют.

Закончив в ванной, он перешел в спальню. Конверт с инструкциями на день лежал на столике. Стоя в трусах и черных носках без рисунка, Саймон взял его и надорвал.

Крохотный человечек ростом не больше шоколадного батончика шагнул из конверта на его ладонь.

— Хейден, как жизнь?

— Броксимон! Сто лет тебя не видел! Ты-то как?

Броксимон, одетый в щегольской синий костюм в полосочку, потер ладошки одна о другую, словно от пребывания в конверте они загрязнились.

— Да ничего, грех жаловаться. А ты?

Хейден аккуратно поставил его на стол и пододвинул стул.

— Эй, Саймон, ты бы сначала набросил что-нибудь, а уж потом побеседуем. Я не хочу разговаривать с парнем, который стоит передо мной в одних трусах.

Хейден улыбнулся и пошел выбирать себе наряд на день. Поджидая его, Броксимон вынул крохотный CD-проигрыватель и поставил диск Лютера Вандросса.

Пока в его ушах зрела музыка, человек подошел к краю стола, уселся и начал болтать ногами. Хейден жил *паршиво*. Квартира казалась нежилой. В ней не было изюминки, не было души, ничего такого, от чего захотелось бы сказать: «Ого! Вот это круто!» Броксимон твердо верил в то, что «каждому свое», но раз уж попал в дом человека, как тут не оглядеться по сторонам? И коли видишь, что в квартире нет ничего, кроме духоты, то так и приходится признать. Никаких оценок; просто что вижу, то и говорю. А видеть тут практически нечего, вот и все.

— Значит, сегодня я вожу этот «Дом помады», так?

Вернулся Хейден в белой сорочке с открытым воротом и черных отутюженных брюках, стоимвших, похоже, немалых денег.

— Точно.

Броксимон сунул руку в карман и вытащил оттуда сложенный листок бумаги.

— Группа из двенадцати человек. Почти все женщины, средний возраст тридцать, тебе должно понравиться.

Хейден просиял. Его молитва услышана! Счастье-то какое, не верится прямо.

— А что у них за история?

— Слышал когда-нибудь про «Мальвелус» в Сикоксе, штат Нью-Джерси?

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

— Нет.

Хейден посмотрел внимательно, не разыгрывает ли его Броксимон этим дурацким названием.

— Это был самый большой супермаркет в области на стыке трех штатов. Но кто-то устроил там пожар, и он стал самым большим сгоревшим супермаркетом в области на стыке трех штатов.

Хейден похлопал себя по карманам, все ли на месте: ключи, бумажник. Потом спросил без особого интереса:

— Сколько погибших?

— Двадцать один человек, больше половины из «Дома помады». Пожар начался прямо рядом с их павильоном, так что у них не было шансов.

— А чем там торговали, косметикой?

— Угу. Парень, которому он принадлежал, — ты его сегодня увидишь, — имел неплохой бизнес, ведь он ничем больше не торговал. Только помадой, любой, какая есть на свете. Сегодня ведь все помешались на специализированных магазинах. Так вот, он привозил помаду из самых неожиданных мест, из Парагвая, например. Как-то даже в голову не приходит, что в Парагвае женщины красят губы помадой.

Хейден перестал расхаживать по комнате и уставился на Броксимона.

— А чем же?

Человечек тут же смутился.

— Не знаю. Просто... Ну, не знаю. Ну, это же Парагвай хренов.

— И что с того?

Не зная, что делать дальше, Броксимон встал и снова отряхнул оба рукава. Потом раздраженно спросил:

— Ну, ты готов или нет?

Хейден задержал на человечке свой взгляд с таким выражением, как будто хотел сказать: идиот ты. Эту мысль он сумел передать взглядом очень доходчиво. Наконец он кивнул.

— Отлично! Так пошли тогда, что ли?

Хейден взял Броксимона, посадил себе на правое плечо и вышел из квартиры.

* * *

Он всегда встречал автобус с туристами у кафе, где завтракал. Водитель автобуса был одним из тех недоумков, на которых еще действовали смазливая физиономия и редкие приступы очарования Хейдена, и только радовался возможности отклониться от маршрута, чтобы подобрать гида.

Двери автобуса с шипением отворились. Саймон Хейден взлетел по ступенькам, подогретый изнутри двумя чашками крепкого капучино и оптимизмом, который приходит, когда знаешь, что впереди день в компании молодых женщин. Водитель Флем Сюль приветливо помахал ему щупальцем. Потом надавил другим на кнопку, и дверь закрылась. Хейдену всегда нравились осьминоги. Или осьминогие? Когда-нибудь потом он спросит у Флема, как правильно, а сейчас его ждут Женщины!

Подмигнув водителю-осьминогу, Хейден надел свою самую обворожительную улыбку и повернулся к пассажирам.

Броксимон стоял у обочины и смотрел, как отъезжает автобус. Вдруг откуда-то налетел принесенный ветром кленовый лист, на мгновение скрыв маленького

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

человечка из виду. Тот резко оттолкнул его от себя, и лист покатился по улице дальше. Покачав головой, Броксимон сунул руку в карман и вытащил оттуда со-
товый размером с карандашный ластик. Стремитель-
но набрав какой-то номер, он стал ждать соединения.

— Привет, это Брокс. Да, я только что был с ним.

И стал выслушивать длинный обстоятельный ответ.

Вдали на перекрестке зажегся зеленый. Экскурси-
онный автобус повернул налево и исчез среди город-
ских улиц.

Броксимон, глядя в небо, вышагивал на цыпочках
взад и вперед, а голос на том конце все журчал и жур-
чал. Наконец ему удалось вставить:

— Слушай, Хейден ничего еще не усек. Да, вот так.
Он даже не догадывается. Ты меня понимаешь? Он не
имеет ни о чем ни малейшего представления.

Броксимон увидел ярко-красную обертку от пече-
нья, которая, подсакивая, неслась на него. И свернул
с ее пути раньше, чем она столкнулась с ним. Глядя,
как бумажка проносится мимо, он вспомнил, что еще
не завтракал. От этой мысли ему захотелось побыстрее
свернуть разговор и отправиться на поиски местечка,
где можно позавтракать.

— Слушай, Боб, не знаю, как тебе еще объяснять:
он ничего не понимает. Нет ни единого признака того,
что наш простофиля Саймон увидел всю картину цели-
ком.

Послушав голос на том конце еще немного, он пере-
стал обращать на него внимание. Забавы ради он высу-
нул язык и свел глаза к переносице. Постояв так не-
много, понял, что не в силах больше выносить словес-
ный понос собеседника. И переспросил:

— Что? А? Что? Я тебя не слышу. Связь пропала.

С этими словами он нажал на кнопку отключения связи и совсем выключил телефон.

— Хватит. Завтракать пора.

* * *

Хейдену понадобилось несколько секунд, чтобы его глаза привыкли к синеватому сумраку автобуса. Ему так не терпелось посмотреть на женщин, что он даже сощурился, стараясь разглядеть сидевших перед ним. Первой, кого он увидел, была казуара в зеленом платье. Вы знаете, что это за птица такая? Вот и Хейден не знал и не помнил того единственного раза, когда видел ее в венском зоопарке. Он тогда еще остановился перед вольерой и подумал, до чего же причудливой бывает природа.

Теперь, увидев тарачившуюся на него гигантскую птицу, он даже глаза от расстройства прикрыл. О нет, неужели они опять подложат ему свинью? И он вспомнил, как однажды водил группу, в которой...

— Прошу прощения...

Пытаясь определить, откуда долетел вопрос, он изо всех сил боролся с растущим недоверием.

— Да? — Он надеялся, что в его голосе прозвучала радостная готовность помочь.

— В автобусе есть уборная?

Уборная. Когда он в последний раз слышал это слово, классе в четвертом? Ухмыльнувшись едва заметно, он посмотрел на женщину, которая задала вопрос. Разглядев ее, Хейден немедленно перестал ухмыляться и едва не разинул рот от изумления, потому что она была совершенной, умопомрачительной красавицей. И слепой к тому же.

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

Вот именно — даже в затененном салоне он ясно видел, что глаза женщины посажены так глубоко, что от них просто не могло быть никакого толку.

— А-хм, да, уборная, э-э, в задней части автобуса, по левой стороне. — Не подумав, он без толку потратил на нее свою самую обворожительную улыбку.

Как резвый молодой щенок, влекомый одним желанием, срывается с места и мчится, таща за собой на поводке хозяина, так и Хейдену хотелось только одного — подбежать к ней, сесть рядом и начать задавать вопросы. Как ее зовут, как она здесь оказалась, откуда она... Но он сдержался и подавил свой безумный порыв. А про себя твердил: помедленнее, не спугни, не спугни.

Впервые с тех самых пор, как Саймон нанялся на эту жалкую службу, он порадовался, что работает экскурсоводом и что сегодняшняя экскурсия продлится целых четыре часа. Это был самый дорогой маршрут, осмотр всех-всех достопримечательностей, пятнадцать остановок, «выходя из автобуса, будьте осторожны, ступеньки». Обычно он ее ненавидел. Но сегодня слепой ангел, присоединившийся к группе, превратит поездку в блаженство.

Теперь это, конечно, не имело значения, но он все же обвел глазами остальных пассажиров автобуса. Людей и животных среди них было поровну, а еще пара мультяшек и большой, чуть не шести футов ростом, пакет карамелек. Все как всегда, ничего нового. Будь они его единственными пассажирами, ему стоило бы большого труда соответствовать случаю. Но благодаря ангелу в седьмом ряду, в кресле возле прохода, он очарует их всех.

Он вытащил и включил автобусный микрофон. Подув в него, он услышал ответное дуновение, донесшееся из динамиков, и убедился, что устройство работает. Так бывало не всегда, и в такие дни, вдобавок к прочим прелестям его работы, он уходил домой охрипшим.

— Доброе утро и добро пожаловать на борт!

Люди, животные и мультяшки, как один, улыбнулись ему в ответ. И только огромный прозрачный пакет бежевой карамели нетерпеливо зашуршал на своем месте. Как будто хотел сказать: «Ну поехали уже. Пора открывать лавочку».

Хейден не любил карамель. Вообще-то он ел много конфет, потому что был сладкоежкой, но карамельки дело слишком трудоемкое, да и хлопотное. Вечно они прилипают к зубам, а однажды в гостях у родителей он даже вытащил себе карамелькой дорогую пломбу. Зато в его памяти карамельки были накрепко связаны с детством, потому что отец их любил и сосал постоянно. Мать вечно расставляла по всему дому для мужа маленькие тарелочки с золотистыми кубиками.

— Сегодня я попытаюсь дать вам самое общее представление об этом городе. Естественно, мы начнем с центра и будем понемногу пробираться к...

— Прошу прощения...

Он сразу узнал ее голос и с ослепительной улыбкой, которая осветила бы салон не хуже лампы в тысячу ватт, повернулся к слепой красавице, готовый исполнить любое ее желание.

— Да?

— А уборная в этом автобусе есть?

Единственный способ превратить красоту в уродство — лишить ее разума. Как будто снимаешь крышку

с банки, предвкушая лакомство, а тебе в нос ударяет запах тухлятины — тут даже самому голодному не останется ничего, кроме как выкинуть банку в помойку.

Хейден выдохнул так резко, как будто получил под дых. Она же минуту назад об этом спрашивала. Неужели она сумасшедшая? Неужели вся ее красота ничего не стоит, потому что вместо мозгов у нее яичница? А может, она просто не расслышала ответ. Возможно ли это? Может, она отвлеклась или задумалась о чем-то, когда он ясно сказал...

Он уставился на нее, не зная, что делать дальше. И пока он так глазел, его вдруг осенило. Он же знает эту женщину. Мы редко забываем по-настоящему красивых людей, но иногда случается и такое. Про ее вопрос он и думать забыл, прислушиваясь к внутреннему голосу, который твердил: мне знакомо это лицо. Но откуда?

Автобус вдруг дернулся и остановился так резко, что Хейдена основательно потрянуло. Он обернулся посмотреть, что заставило водителя ударить по тормозам. Сквозь ветровое стекло он увидел группу младшеклассников, которых переводила через дорогу чернокожая женщина средних лет в дашки такого яркого цвета, что от него резало глаза, со стрижкой в стиле афро, делавшей ее голову похожей на аккуратный круглый куст. Когда все ребята благополучно перешли на другую сторону, женщина подняла руку и помахала водителю автобуса, благодаря его за то, что он остановился.

Сначала Хейден не узнал ни саму женщину, ни ее афрострижку или дашки; и только жест показался ему знакомым. Он знал этот жест. Было время, когда он жил с этим жестом целый год. Секунду спустя он уже не сомневался в том, кто она такая. Он вспомнил движение пальцев, вспомнил жест, вспомнил женщину.

Рывком повернув голову назад, он посмотрел на слепою красавицу. Ее он тоже знает. Что за чертовщина тут творится? С чего это мир стал вдруг таким знакомым?

Несколькими рядами дальше Дональд Дак посмотрел на казуару, сидевшую через проход от него, и медленно приподнял бровь. Казуара заметила и пожалала плечами.

— Миссис Дагдейл! — Ее имя свалилось Хейдену на голову, как кирпич с крыши. — Она же была моей учительницей!

Водитель-осьминог посмотрел на него.

— Кто?

Хейден возбужденно тыкал пальцем в ветровое стекло в том направлении, куда ушли дети.

— Она — чернокожая женщина, которая только что прошла здесь с ребятами. Она была моей учительницей в третьем классе!

Водитель какое-то время оглядывал пассажиров в зеркало заднего вида. По меньшей мере половина из них подались вперед в своих креслах, словно в ожидании чего-то важного.

Водитель напустил на себя равнодушный вид.

— Да? Она была твоей учительницей? Ну и что? Задавить ее я уже не успею.

— Выпусти меня. Мне надо с ней поговорить.

— Ты не можешь уйти сейчас, Саймон. Мы только начали экскурсию.

— Открой дверь, мне надо выйти. Открывай!

— Тебя прогонят с работы, парень. Если ты возьмешь и бросишь экскурсию, тебе конец. Не делай этого.

— Флем, этот вопрос не обсуждается, ясно? Просто открой чертову дверь.

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

Хейден был крупным мужчиной с впечатляющими мускулами. А Флем Сюль — всего-навсего осьминогом и спорить не собирался. Но все же не удержался и бросил последнее предостережение в спину Саймону, когда тот уже спускался на тротуар:

— У тебя проблемы, Саймон. Тебя выкинут пинком под зад, как только я расскажу об этом в конторе.

Хейден не слышал. Не слышал он и того, как за ним с шипением затворилась дверь и автобус отвалил от перекрестка. И конечно, он не видел того, как все пассажиры сгрудились у окон с одной стороны автобуса и глядели, что он будет делать дальше. Даже слепая красавица была там; прижавшись щекой к холодному стеклу, она внимательно слушала кого-то, кто рассказывал ей, чем в данный момент занят Хейден.

* * *

Он спешил за миссис Дагдейл с детьми. Поразительно, что он бросил и туристов, и даже возможность познакомиться ближе с роскошной слепой красавицей. Но стоило ему сообразить, кто та женщина, которая переводила детей через улицу, как он понял, что должен с ней поговорить.

Потому что ее третий класс так много для него значил?

Нет, черт побери.

Если бы Хейдену под страхом смерти пришлось вспомнить хоть что-нибудь приятное из того года в третьем классе у миссис Дагдейл, единственное, что пришло бы ему в голову, это золотая рыбка в круглом аквариуме на учительском столе, вид которой его успокаивал.

Тогда, может, потому, что миссис Дагдейл была одним из тех выдающихся педагогов, чей личный пример навсегда переворачивает нашу жизнь?

Не-а.

Она орала на учеников и швырялась в них мелом всякий раз, когда ей казалось, что они недостаточно внимательно слушают, а в ее классе такое случалось сплошь и рядом. Ее представление о преподавании сводилось к бесконечным докладам — о растительности Суринама, к примеру, — которые она заставляла готовить детей. Несправившихся (а таких, по мнению миссис Дагдейл, было большинство) она заставляла часами простаивать в углу у так называемой Стены позора. Другими словами, она ничем не отличалась от большинства учителей начальных классов. Хейден год вынужден был сносить ее капризы, посредственность и невежество, а потом перешел в четвертый класс.

Но с ней было связано одно происшествие, о котором он помнил до сих пор, и потому-то он и гнался за ней сейчас. Если бы не тот случай, он, возможно, вырос бы другим человеком. Это был один из тех редких моментов детства, оглядываясь на который, мы можем с уверенностью сказать: вот миг, когда что-то во мне изменилось навсегда.

Когда Саймон был ребенком, у него был друг, мальчик, которому досталось невезучее имя Клиффорд Шнакке. Сам Клифф был настолько зауряден, что без труда сливался с окружением, не выделяясь из миллионов мальчишек ничем, кроме имени. Какое-то время, пока девочки не вошли в их поле зрения, сделавшись вдруг необыкновенно привлекательными, Саймон и Клифф были неразлучны. В классе миссис Дагдейл

они сидели за одной партой, что делало обучение у нее чуть более приятным.

В самом конце учебного года, перед тем как таблицы с оценками были отправлены родителям, Клифф вдруг запаниковал, что останется на второй год из-за правописания: слишком много контрольных он завалил. Он так долго и громко выражал свою тревогу, что Саймон наконец не выдержал и посоветовал ему подойти после уроков к учительнице и прямо у нее спросить. После долгого эканья и меканья Шнацке согласился, но при одном условии: друг подождет его у школы. И хотя Хейдену определенно было чем заняться после уроков, он согласился. Для чего же иначе друзья?

Клиффорда Шнацке мало что волновало в жизни, и это было сразу заметно. Обычно его лицо украшала легкая улыбка или беспечно-довольное выражение, которое говорило, что ни о чем таком он не думает и все в его жизни хорошо.

Но когда полчаса спустя Клифф возник на пороге школы, его щеки заливал румянец, как после глубокого унижения или горького плача. Увидев его, Саймон принялся настойчиво расспрашивать, что случилось в школе. Поначалу Клиффорд избегал даже смотреть другу в глаза, а не то что рассказывать. Но потом все же раскололся.

Когда он вошел в класс, миссис Дагдейл сидела за столом и смотрела в окно. Клифф, как мальчик воспитанный, подождал, пока его заметят. Когда миссис Дагдейл спросила, что ему нужно, он изложил свой вопрос как можно короче, ведь всем ее ученикам было известно, что она любит, когда говорят коротко и по делу.

Но вместо того чтобы заглянуть в свой журнал или прочитать Клиффу лекцию о том, как исправить орфографию, она вдруг спросила, что это за фамилия такая — Шнацке. Он не понял, о чем это она, и сказал, что не знает. Она спросила, считает ли он, что Шнацке — американская фамилия. Он сказал, что не знает, о чем она говорит. Она снова повернулась к окну и долго молчала. Немного погодя он повторил свой вопрос насчет отметки по правописанию.

Кто знает, почему и откуда вдруг в этой женщине проявилось такое, но миссис Дагдейл повернулась к маленькому мальчику и сказала:

— Встань на колени и спроси меня еще раз, Клиффорд. Встань на колени и спроси о своей отметке по правописанию.

Ребятишки глупы. Они доверчивы и свято верят всему, что говорят взрослые, ведь других авторитетов у них нет. Но, услышав приказ миссис Дагдейл, даже глупый Клиффорд Шнацке сообразил, что то, о чем она просит, так же несправедливо, как и необычно. И все же он послушался. Он поспешно опустился на колени и так же поспешно спросил, какая у него будет оценка. Несколько секунд учительница смотрела на него, а потом велела встать и убираться из класса.

Вот такая история. Не знай Хейден своего друга, то решил бы, что тот все придумал. Но он ничего не придумывал. Не успел он что-нибудь сказать или сделать, как дверь школы распахнулась и на пороге появилась миссис Дагдейл со знакомым портфелем коричневой кожи в руках. Увидев двух учеников, она фальшиво улыбнулась им и прошла мимо.

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

Оба мальчика надолго уставились в землю. Они даже друг на друга смотреть не могли, пока она не скрылась из виду, и все из-за того, что оба знали, как она только что поступила.

Саймон понимал, что должен действовать. Миссис Дагдейл обошлась с его другом отвратительно. Но Клифф все проглотит, потому что кишка у него тонка бросить ей вызов.

Но Хейден-то не таков! И единственный раз в жизни он совершенно спонтанно решился на бескорыстный поступок, чтобы исправить зло, причиненное другу. Бросив на Клиффа ободряющий взгляд, он затрусил по направлению к школьной автостоянке.

Когда он туда добрался, миссис Дагдейл уже сидела в своем бежевом «фольксвагене» и мотор был включен. Увидев, что он подходит к ее машине, она наполовину опустила стекло. Он навсегда это запомнил — стекло опустилось только наполовину; как будто все, что он мог сказать, не стоило ее усилий полностью опустить стекло.

Приближаясь к машине, он чувствовал себя уверенно, словно сам господь Бог, готовящийся метнуть испепеляющую молнию в погрязшего во грехе смертного. Он ей сейчас задаст, и уж кто-кто, а она это заслужила.

— Да, Саймон? Что ты хочешь?

Он посмотрел на нее и испугался. Вся божественная смелость, которую он хранил до того момента, куда-то улетучилась. Он почти видел, как она, его смелость, мчится прочь от него, петляя по автостоянке, а из задницы у нее идет дым, как у Вайли Э. Койота из мультика «Роудраннер». Хейден любил мультики.

— Почему... — только и сумел выдать он из сведенных ужасом легких прежде, чем пасть жертвой гипервентиляции. Ему показалось, что у него сейчас разорвется сердце.

— Да, Саймон? Почему что? — Первые два слова она произнесла дружелюбно; два последних лязгнули, как стальной капкан.

— Почему... — Он задышался. Язык окаменел.

— Да, Саймон?

Он видел, как ее правая рука отжала рукоятку тормоза. Поняв, что ничего больше он не скажет и только зря ее задерживает, она поджала губы и сверкнула глазами. Отчаявшийся и напуганный, он сделал единственное, на что в тот момент было способно его тело, — пожал плечами. Миссис Дагдейл наверняка сказала бы ему какую-нибудь гадость, но тут у входа на автостоянку замаячил Клиффорд Шнацке.

Она даже окно не стала закрывать. Выжав сцепление, она завела двигатель, покачала головой и уехала.

* * *

До конца своих дней Хейден не раз думал о том случае, представляя, что *должен* был сказать и сделать тогда. Воспоминание не оставляло его в покое, как часто бывает с воспоминаниями детства. Иногда он даже видел это во сне. И всякий раз, даже во сне, когда на экране его личного кинотеатра с системой оптимизации контрастности, резкости и цвета наступал решающий момент, он трусил.

Но, видит бог, на этот раз все будет по-другому! В последнее время ему и так досталось. Может, встреча

СТЕКЛЯННЫЙ СУП

с миссис Дагдейл на улице тридцать лет спустя — это испытание. Если он его пройдет, дела изменятся к лучшему. Кто знает? Жизнь иногда бывает такой коварной. А ее уроки не всегда очевидны. Да и вообще, ему не терпится выложить этой суке все, что он думает о ней теперь, годы спустя.

Пока он спешил за ней, в его мозгу, точно пламя в полной темноте, вспыхнула догадка: а что, если своими неудачами он обязан ей и той проклятой минуте? Не запугай она его тогда и не заставь молчать, кто знает, может, отвага, вибрировавшая на острие его души, и вырвалась бы наружу? И тогда до конца своих дней он был бы уверен, что отвага живет в нем и в любой момент придет ему на помощь.

А вместо исковерканного, бездарного, обремененного долгами, бесцельного существования, наполненного разогретыми в микроволновке обедами и противными запахами, Хейден мог бы претендовать на... Если бы не миссис Дагдейл. Он прибавил шагу.

Через несколько секунд после того, как он ее увидел, катившая по улице машина лениво оторвалась от мостовой и взлетела. С гудением описав пару кругов над головами прохожих, она скрылась за офисным зданием. Двое здоровенных шимпанзе, одетых по гангстерской моде тридцатых годов — двубортные пиджаки и черные шляпы-борсалино, — вышли на руках из ближайшего магазина, куря сигары и болтая по-итальянски. Хейден все это видел, но не придавал значения. А все потому, что Дагдейл была близко.

Нагоняя ее, он по пути притрагивался к макушкам ее учеников. Несмотря на одержимость желанием нагнать свою старую учительницу, Хейден обратил внима-

ние на то, какими горячими были детские головы под его ладонью. Точно маленькие кофейнички, источающие жар.

— Прошу прощения, миссис Дагдейл?

Она шла к нему спиной, но тут медленно обернулась. Увидев взрослого Саймона Хейдена, который стоял от нее в двух шагах, она не стала смотреть на него с недоумевающим вопросом во взгляде. Наоборот, в ее глазах явственно читалось: я знаю, кто ты такой, и что с того?

— Да, Саймон, что ты хочешь?

Аааах! Те же самые слова, которые она сказала ему на автостоянке у здания начальной школы тридцать лет назад. То же недоброжелательное выражение лица. Ничего не изменилось. Все осталось по-прежнему. Он почти полжизни прожил, а она все еще смотрит на него, как на гнилой фрукт на рынке.

Ну и черт с ней. Его время пришло. Настала пора действовать решительно. Настала пора сказать ей пару ласковых, чтобы она поняла, кто здесь босс.

Саймон был так шокирован словами миссис Дагдейл, что даже не заметил, как все ее ученики застыли на месте, глядя на него с напряженным вниманием. Не заметил он и того, что буквально весь мир вокруг него застыл на месте, желая увидеть, что же он будет делать дальше. Ну, то есть машины, конечно, ехали по улице, а мухи с жужжанием выписывали в воздухе безумные спирали. Но все — и мухи, и водители в машинах, и даже молекулы воздуха в их легких, — все и вся повернулось к Саймону Хейдену, чтобы стать свидетелями его поступка.

Он попытался заговорить. Надо отдать парню должное. Вдохновенные слова пришли ему на ум, самые под-

ходящие для такого момента. Подходящие слова, идеальный тон. Он был готов. И уже начал говорить, но вдруг обнаружил, что у него нет рта.

Он подвигал вверх-вниз губами, точнее, не губами, а тем местом на лице, где они были раньше. Оно шевелилось и растягивалось, но лишь потому, что это была кожа, а он шевелил мускулами под ней. Мускулами, которые должны были управлять движениями губ, которых у Хейдена больше не было. На их месте была только кожа — ровная и гладкая, как продолжение щеки.

Он поднес обе ладони к лицу, но это лишь подтвердило его опасения — рта не было. Не веря себе, он продолжал ощупывать пальцами лицо, как будто искал в темноте выключатель.

Он поглядел на миссис Дагдейл. От выражения на ее лице этот ужасный миг показался ему еще хуже. Презрение. Ее лицо не выражало ничего, кроме презрения. Презрения к Хейдену, к его трусости, к тому, кем он был сейчас в ее глазах. Он заново пережил тридцатилетней давности момент истины, который она показала ему на школьной стоянке. И все же на этот раз он одержал бы над ней верх — если бы у него был рот.

Но рта не было. В панике он ударил ладонью по тому месту на лице, где полагалось быть рту. Одновременно он не сводил свирепого взгляда с женщины напротив — этой злодейки с африканской стрижкой, которая опять побеждала. Единственным оружием, которое у него теперь осталось, были глаза. Но они непригодны для такого рода военных действий. Яростный взгляд не имеет той убойной силы, того мегатоннажа, которым обладает хорошее, забористое словцо.

Каким-то уголком сознания Хейден помнил, что уже был здесь раньше, в этом самом моменте и в этой самой ситуации, без рта. Но его ярость и отчаяние, объединившись, отделили это дежавю прочь. Ну и что с того, что он уже был здесь, — ему надо найти выход сейчас. Ему надо найти способ одолеть Дагдейл, показать ей, что он не такой дурак, каким она его считает.

Со все возрастающим отчаянием он оглянулся вокруг, ища хоть какой-нибудь помощи. И тут его взгляд упал на маленькую девочку. Звали ее Нелли Уэстон, и она тоже училась у миссис Дагдейл. Ей то и дело доставалось от учительницы, которая считала ее медлительной и неряшливой недотепой.

Хейден взял Нелли на руки, и его ладонь скользнула за ворот ее спортивного свитера. Это произошло так быстро, что она и пикнуть не успела. Но стоило его ладони прикоснуться к ее голой спине, и девочка сразу поняла, чего он хочет, и улыбнулась так, как не улыбалась еще ни разу в жизни в присутствии учительницы.

Нелли поглядела на миссис Дагдейл, и рот ее распахнулся широко, как у куклы чревовещателя, которой она только что стала. Но она не возражала, зная, что сейчас будет. Из ее маленького девчачьего рта вырвался мужской бас, низкий и грозный, — голос Саймона Хейдена.

— Старая злая ведьма! Совсем не изменилась за тридцать лет. Наверняка так же мучаешь учеников, когда никто не видит. За закрытой дверью, когда тебе кажется, что никто не узнает. Клиффорда Шнацке помнишь, а? Помнишь, что ты с ним сделала, а? Ну так вот тебе сюрприз! Кое-кто видел и кое-кто знает, что ты ему сделала, хамка. Говнючка.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. ДОМ ПОМАДЫ САЙМОНА	5
ГОРЯЧЕЕ, ТЕМНОЕ «ДА»	33
TUNICA MOLESTA	49
ЛУНА В ЧЕЛОВЕКЕ	72
ПЕТРАС	94
КУПАНИЕ БУЙВОЛА	114
СКОРМИ МЕНЯ СВОЕЙ СЕСТРЕ	131
СЕЛАДОН	154
ПО КОЛЕНУ В ВОСКРЕСНЫХ КОСТЮМАХ	182
БУМАЖНАЯ ТРУБА	202
МОЛИТВА О ДИНОЗАВРЕ	235
ДВОРЕЦ МЛАДЕНЦА ЗИ КОНГ	279
ТОРМАШКИ	331
БРОГСМА	357
Эпилог	412